

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

научная статья / research article

УДК: 327,7

EDN: [RFLJVR](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.7](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Маркиз де Кондорсе едет в Евразию: к вопросу о принятии решений в наднациональных интеграционных объединениях квалифицированным большинством голосов

Ланко Дмитрий Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 d.lanko@spbu.ru

Аннотация

Введение. В исследовании сравниваются Евразийский экономический союз – интеграционное объединение с пятью странами-участницами – и Европейский союз, в котором двадцать семь стран. Цель исследования – представить модель, полученную в результате исследования влияния роста числа стран-участниц интеграционного объединения на процесс принятия решений в нем. Отмечается, что в Европейском союзе постоянно расширяется круг вопросов, по которым Европейский совет принимает решения квалифицированным большинством голосов, в то время как в Евразийском экономическом союзе решения принимаются квалифицированным большинством голосов лишь в Коллегии Евразийской экономической комиссии, причем наблюдается тенденция к сужению круга таких вопросов.

Методы и материалы. Методологические модели, используемые для объяснения парадокса Кондорсе и его последствий, объединяются в статье с методологическими моделями, выработанными в рамках теории игр. Эмпирическую базу исследования составляют документы Евразийского экономического союза и Европейского союза, позволяющие построить модели процессов принятия решений в двух этих интеграционных объединениях.

Результаты. Представленные в публикации модели процессов принятия решений в Евразийском экономическом союзе и в Европейском союзе позволяют доказать, что увеличение числа стран-участниц в интеграционных объединениях приводит к увеличению зависимости результатов голосования при принятии решений (квалифицированным) большинством голосов от тех правил, в соответствии с которыми проводится голосование, при том, что никакие такие правила нельзя считать идеальными. В статье демонстрируется, что это отличие обуславливается числом стран-участниц в двух интеграционных

объединениях: увеличение их числа приводит к стремлению расширить круг вопросов, по которым решения могут приниматься большинством голосов.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты представляются парадоксальными: с одной стороны, чем больше в интеграционном объединении стран-участниц, тем больше они стремятся расширить круг вопросов, по которым они могут принимать решения большинством голосов, но с другой стороны, тем в большей степени исход такого голосования начинает зависеть от его процедуры. Выявленный парадокс позволяет обосновать введение самостоятельной категории – мини-латеральных интеграционных объединений – для обозначения тех, где число стран-участниц мало, а также сделать вывод о необходимости разработки особых моделей анализа процесса принятия решений в мини-латеральных интеграционных объединениях, отличные от тех, которые используются для многочисленных интеграционных объединений.

Ключевые слова: интеграционные объединения; процесс принятия решений; консенсус; квалифицированное большинство голосов; парадокс Кондорсе; мини-латерализм

Для цитирования: Ланко Д.А. Маркиз де Кондорсе едет в Евразию: к вопросу о принятии решений в наднациональных интеграционных объединениях квалифицированным большинством голосов // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 118–139. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.7>. EDN: RFLJVR.

© Ланко Д.А., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Marquis de Condorcet Goes to Eurasia: Making Decisions by Qualified Majority Voting in Supranational Integration Unions

Dmitry.A. Lanko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 d.lanko@spbu.ru

Abstract

Introduction. The article contrasts the Eurasian Economic Union, an integration union with only five member states, to the European Union, which has twenty-seven member states. The aims of research at presenting the model obtained as a result of a study of the impact of the growth in the number of countries participating in an integration union on the decision-making process in it. It notes that the European Union tends to increase the number of policy areas that allow making decisions by qualified majority voting in the European Council. In the Eurasian Economic Union, qualified majority voting is only allowed in the Collegium of the Eurasian Economic Commission, and even there the number of policy areas that allow qualified majority voting tends to decline.

Methods and material. The article combines the methodological models traditionally used as means of explanation of the Condorcet paradox with those that emerged out of the game theory. The empirical basis of the article consists of documents of the Eurasian Economic Union and the European Union, which allows constructing models of decision-making processes in these two supranational integration unions.

Results. The research model presented in the article allows concluding that enlargement of integration unions also makes outcomes of (qualified majority) voting more dependent on voting procedure in the situation when none of possible voting procedures is ideal. The article demonstrates that the difference in the tendencies of decision-making is caused by the difference in the number of member states: enlargement in terms of the number of member states makes integration unions increase the number of policy areas allowing making decisions by qualified majority voting.

Discussion and Conclusions. The results of the study are paradoxical: on one hand, the more member states an integration union has, the more it tends to increase the number of policy areas allowing decision-making by qualified majority voting. On other hand, the more member states it

has, the more outcomes of the qualified majority voting tend to depend on the voting procedure. That paradox justifies introduction of the concept of minilateral integration unions to indicate those such unions that have only few member states. The article concludes that such integration unions require models of analysis that were different from those applied when analyzing integration unions that have multiple member states.

Keywords: integration unions; decision-making; consensus; qualified majority vote; Condorcet paradox; minilateralism

For citation: Lanko, D.A. Marquis de Condorcet Goes to Eurasia: Making Decisions by Qualified Majority Voting in Supranational Integration Unions. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 118–139. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.7>. EDN: RFLJVR.

© Lanko, D.A., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Евразийский экономический союз создавался и продолжает развиваться под сильным влиянием опыта Европейского союза. Еще до формального вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе для ряда, например белорусских, экспертов, аргументом в поддержку решения о присоединения их страны к Договору являлось то, что «Договор о ЕАЭС в содержательном отношении весьма похож на Римский договор о создании Европейского экономического сообщества 1957 г.» [1]. Через пять лет после появления ЕАЭС многие эксперты из стран союза продолжали констатировать, что «экономическая интеграция стран на постсоветском пространстве идет по пути Европейского союза в части заимствования принципов организации» [2]. В самом деле, несмотря на существенные различия в экономических особенностях шести стран, подписавших в 1957 г. Римский договор, и пяти стран, вошедших в ЕАЭС в 2015 г., между двумя интеграционными объединениями наблюдается значительное институциональное сходство.

Как следствие, перед двумя интеграционными объединениями стоят схожие вызовы в сфере управления. Некоторые эксперты, констатируя общность этих вызовов, недоумевают, почему в этих условиях взаимодействие между ними отсутствует даже на техническом уровне, хотя теория рационального выбора предполагает, что такое сотрудничество не может не возникать, и возлагают вину за отсутствие такого взаимодействия на «нормативный конфликт» между двумя интеграционными объединениями [3]. Можно предположить, что отсутствие взаимодействия обуславливается доминирующим в Европе дискурсом, благодаря которому любые попытки стран за пределами Европы создать институты по европейскому образцу оцениваются европейцами как «похожие, но не совсем», а соответственно, как недостойные равноправного взаимодействия [4]. Отсутствие формального или технического сотрудничества между институтами ЕС и ЕАЭС не препятствует—дальнейшему изучению вызовов в сфере управления, с которыми сталкивается Евросоюз, с целью предсказать те вызовы, с которыми в перспективе может столкнуться ЕАЭС.

Европейские сообщества и до своего превращения в Европейский союз в 1992 г., и после создания ЕС пережили несколько волн расширения, благодаря чему число членов этого интеграционного объединения выросло с шести членов-основоположников в 1957 г. до нынешних двадцати семи. Хотя все пять стран-

участниц Евразийского экономического союза присоединились к нему в течение 2015 г., только три из них можно считать основоположницами этого интеграционного объединения: Беларусь, Казахстан и Россия. Армения и Кыргызстан присоединились к ЕАЭС позже, причем некоторые эксперты обратили внимание на существенную разницу в уровнях экономического развития между тремя основоположниками союза и двумя странами, присоединившимися позже [5]. Прозвучали предостережения, что ЕАЭС «рискует... не переварить масштабы своего расширения и погрузиться в кризис» [6, с. 70]. Однако, поскольку Армения и Кыргызстан присоединились к ЕАЭС в год его основания, нет данных, которые позволили бы сравнить эффективность управления в этом интеграционном объединении до и после присоединения этих двух стран, для ответа на вопрос: повлияло ли расширение союза на эффективность его управления?

В Европейском союзе временные отрезки, отделявшие разные «волны расширения» друг от друга, были достаточно длинными для того, чтобы оценить влияние увеличения числа членов на эффективность процесса принятия решений на наднациональном уровне. Несмотря на это, исследователи европейской интеграции так и не пришли к единому мнению относительно влияния расширения ЕС на эффективность процесса принятия решений. Часть экспертов не усмотрели взаимосвязи между расширениями Евросоюза и эффективностью процесса принятия решений в нем. Так, анализ, результаты которого представил Дж. Голуб в 2007 г., показал, что скорость процесса принятия решений после каждой «волны расширения», а также после каждого увеличения числа вопросов, по которым Европейский совет принимает решение не консенсусом, но квалифицированным большинством голосов, даже увеличивается [7]. Этот анализ основывался на данных до 2002 г., то есть не принимал во внимание влияние на процесс принятия решений в ЕС расширения 2004 г., когда к нему присоединилось десять новых стран-участниц. Однако в 2016 г. Д. Тошков представил результаты своего анализа, основывающегося на данных до 2012 г. [8], и его выводы совпали с выводами Дж. Голуба.

Другая часть экспертов, однако, прямо указала на негативное влияние расширения Европейского союза на эффективность процесса принятия решений. Так, Р. Гертц и Д. Леффен проанализировали сроки принятия всех директив, постановлений и решений, предложенных Европейской комиссией в период между 1976 г., когда в Европейских сообществах было всего девять стран-участниц, и 2006 г., когда их число выросло до двадцати пяти, и пришли к выводу, что рост числа членов замедляет процесс принятия решений [9]. Аналогично Т. Кениг, проанализировав сроки принятия решений в Евросоюзе между 1984 г., до присоединения к Европейским сообществам Испании и Португалии, и 1999 г., после вступления Австрии, Финляндии и Швеции, сделал вывод, что процесс принятия решений замедлился; правда, в качестве причин замедления он назвал не только увеличение числа стран-участниц, но и усиление роли Европейского парламента [10]. Те же данные позволили ему сделать заключение, что расширение числа вопросов, по которым Европейский совет может принимать решения квалифицированным большинством голосов вместо консенсуса, компенсирует это снижение эффективности процесса принятия решений.

Договор о Евразийском экономическом союзе предусматривает, что все решения в Высшем совете, в Межправительственном совете и в Совете комиссии принимаются консенсусом, и лишь Коллегия Евразийской экономической комиссии может принимать решения, распоряжения и рекомендации квалифицированным большинством голосов¹. Одновременно действует «Перечень чувствительных вопросов», по которым решения Коллегии принимаются консенсусом². В результате этих дополнений число пунктов в этом перечне выросло с 32 в 2015 г. до 50 десять лет спустя. Иными словами, круг вопросов, по которым Коллегия Евразийской экономической комиссии может принимать решения квалифицированным большинством голосов, за десять лет работы ЕАЭС существенным образом сократился.

В свою очередь, в Европейском совете возможность принятия решений квалифицированным большинством голосов была закреплена еще в Римском договоре 1957 г. Вводимые им правила принятия решений квалифицированным большинством голосов менялись в части изменения удельного веса каждой из стран-участниц в голосовании в связи с увеличением их числа. Подробный анализ этих изменений, включая возникшие в 2004 г. в соответствии с так называемым Ниццким договором, представлен в работе Е.А. Дегтерева [11]. Вступивший в силу в 2009 г. Лиссабонский договор не только закрепил новое распределение удельных весов каждой из стран-участниц в процессе принятия решений в Совете квалифицированным большинством голосов, изменившееся в связи со вступлением в Европейский союз Румынии и Болгарии в 2007 г., но и существенно расширил перечень вопросов, по которым решения в Совете принимаются квалифицированным большинством голосов, по сравнению с предыдущими версиями Договоров о Европейском союзе и о функционировании Европейского союза.

Хотя с 2009 г. основополагающий договор, в соответствии с которым принимаются решения в Европейском союзе, не пересматривался, дискуссия о возможности расширения круга вопросов, по которым Европейский совет мог бы принимать решения квалифицированным большинством голосов, в последние пятнадцать лет не утихала. В частности, призыв к расширению круга таких вопросов стал одним из результатов Конференции о будущем Европы, проходившей на различных площадках, включая сетевые, на протяжении года и завершившейся весной 2022 г. Участники конференции призвали к отказу от принципа единогласия при принятии решений в сфере общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Е.Г. Энтина и М.Л. Энтин, изучившие результаты конференции о будущем Европы, приходят к выводу, что «стержневым предложением Конференции стала настоятельная рекомендация отказаться от единогласия в Европейском совете и Совете ЕС, перейти к принятию решений по вопросам внешней политики и политике

---

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астана 29 мая 2014 г. Статья 18 // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 03.09.2025).

² Приложение № 2 к Регламенту работы Евразийской экономической комиссии. Утверждено решением Высшего евразийского экономического совета 23 февраля 2014 г., дополнено 16 октября 2015 г., 31 мая 2016 г., 26 декабря 2016 г., 14 апреля 2017 г., 11 октября 2017 г., 6 декабря 2018 г., 11 декабря 2020 г., 27 мая 2022 г., 4 октября 2022 г., 9 декабря 2022 г., 25 мая 2023 г., 3 ноября 2023 г. и 25 декабря 2023 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420242713> (дата обращения: 05.09.2025).

безопасности квалифицированным большинством голосов и в форсированном режиме заняться военным строительством» [12, с. 73].

Д. Дайнан называет две основные причины распространения правила принятия решений квалифицированным большинством голосов на вопросы, по которым ранее решения принимались консенсусом: расширение Евросоюза на восток и решение проблемы демократического дефицита в ЕС [13].

Таким образом, увеличение числа стран-участниц в Европейском союзе приводит к изменению правил принятия решений в той части, где эти правила предполагают принятие решений большинством голосов. Изменение правил, в свою очередь, приводит к спорам как о том, по каким вопросам решения следует принимать консенсусом, а по каким – квалифицированным большинством голосов, так и о самом понятии квалифицированного большинства. В качестве примера последнего нельзя не упомянуть так называемый Ягеллонский компромисс – предложение поставить удельный вес каждой страны-участницы в процессе принятия решений квалифицированным большинством голосов в зависимость не от численности населения страны, но от квадрата численности ее населения, в соответствии с формулой, разработанной британским математиком Л. Пенроузом [14].

Название «Ягеллонский компромисс» получило из-за его активного продвижения Польшей в период обсуждения проекта Лиссабонского договора [15]. Хотя «Ягеллонский компромисс» не был поддержан большинством стран Евросоюза, сам факт его выдвижения является еще одним подтверждением важности вопроса, стремление ответить на который является целью данного исследования – не просто показать, как увеличение числа стран-участниц регионального интеграционного объединения влияет на трансформацию действующих в нем правил принятия решений, но построить и представить модель, характеризующую это влияние.

Основная гипотеза исследования, положенного в основу данной статьи, заключается в том, что увеличение числа стран-участниц регионального интеграционного объединения не только способствует стремлению данного объединения к расширению круга вопросов, по которым решения принимаются не консенсусом, а квалифицированным большинством голосов, но и увеличивает зависимость результата голосования от принятой процедуры.

Методы и материалы

Само предположение, что важнейшие решения, обязательные к исполнению для определенной группы суверенных государств, могут приниматься не консенсусом, а большинством голосов этих государств, заставляет обратиться к основам теории голосования. Важнейшей среди них является принцип так называемого «победителя Кондорсе», согласно которому, в случае выбора из нескольких альтернатив путем голосования, наиболее предпочтительной должна быть выбрана та альтернатива, которая побеждает все прочие альтернативы при попарном сравнении. Правомочность применения принципа «победителя Кондорсе» к исследованию процессов принятия решений не только внутри государств, но и на международных переговорах, автор (Д.А. Ланко – *ред.*) доказывает в своем докладе в рамках X Всероссийского конгресса политологов 2024 г. [16]. В случае, если таких альтернатив только две, победителем становится та, которая побеждает при единственном попарном сравнении. В случае

трех альтернатив проводится три попарных сравнения, в случае четырех – шесть попарных сравнений и т.д. В политической практике, как на внутригосударственном, так и на международном уровне, в том числе в наднациональных интеграционных объединениях, чаще всего встречается выбор из двух альтернатив: за или против предлагаемого проекта решения.

Вместе с тем, по крайней мере, на внутригосударственном уровне, распространены случаи мультиопциональных референдумов, на которых избирателям предлагается выбрать не из двух (за или против), но из трех или большего числа возможных альтернатив [17]. В качестве примеров здесь можно назвать референдумы в Швеции 1957 г. и 1980 г. С одной стороны, выбор из трех и большего числа альтернатив является более демократичным, поскольку сама его возможность снижает влияние на процесс принятия решений бюрократии, которая играет ключевую роль в подготовке тех проектов решения, за или против которого предлагается проголосовать. В наднациональных интеграционных объединениях, включая Европейский союз, роль наднациональной бюрократии в процессе принятия решений, в первую очередь, об углублении интеграции [18], крайне велика. Косвенным подтверждением служит тот факт, что ни в Швеции, ни в какой другой стране Европейского союза ни разу не проводился мультиопциональный референдум по вопросам, затрагивающим будущее европейской интеграции.

С другой стороны, выбор из трех и большего числа альтернатив осложняется возможностью захождения процесса принятия решений в тупик, что предвидел еще сам создатель принципа «победителя Кондорсе» – французский мыслитель XVIII века Н. Кондорсе, сформулировав парадокс, названный, как и принцип, его именем. На практике вероятность возникновения таких тупиковых ситуаций невелика, и каждый такой реальный случай становится предметом научных исследований, подобно референдуму 2004 г. в швейцарском кантоне Берн [19]. К. Лист и Р. Гудин с помощью разработанной К. Листом математической модели доказывают, что вероятность возникновения ситуации, описываемой «парадоксом Кондорсе», тем меньше, чем больше число избирателей [20]. Вместе с тем дискуссия о принятии решений большинством голосов в наднациональных интеграционных объединениях не может игнорировать проблему парадокса, поскольку в этом случае речь идет о принятии решений большинством от весьма ограниченного – двадцати семи в случае Европейского союза и пяти в случае Евразийского экономического союза – числа стран-участниц процесса принятия решений.

Как демонстрирует в своем обзоре литературы по данной проблематике Д. Эстлунд, научная дискуссия о том, как количество участников процесса принятия решений влияет на его результат, далека от завершения [21]. В данной статье предпринимается попытка развить эту дискуссию путем включения в нее вопроса о принятии решений большинством голосов стран-участниц в наднациональных интеграционных объединениях. С этой целью автором было построено несколько моделей, из которых первая представлена в Таблице 1. В ней предпочтения участников процесса принятия решений из трех возможных альтернатив представлены в виде, принятом в теории игр [22, с. 60]. Для Участника 1 Альтернатива А является наиболее предпочтительной, а Альтернатива С – наименее предпочтительной, в то

время как Альтернатива В для него является более предпочтительной, чем Альтернатива С, но менее предпочтительной, чем Альтернатива А.

Соответственно, «выгода» для Участника 1 в случае, если в результате процесса принятия решений наиболее предпочтительной будет названа Альтернатива А, будет максимальна: примем ее равной 3 для Участника 1. Если наиболее предпочтительной будет названа Альтернатива С, «выгода» для Участника 1 окажется минимальной; примем ее равной 1. «Выгоду» для Участника 1 в случае, если в результате процесса принятия решений наиболее предпочтительной будет названа Альтернатива В, примем равной 2. Нетрудно заметить, что среди первых шести участников нет ни одной пары, чьи предпочтения бы полностью совпадали. И если бы решение принимали эти шесть участников, процесс принятия решений зашел бы в тупик при условии равного влияния каждого из участников на его результат. Поэтому в модель, представленную в Таблице 1, мы вводим Участника 7, чьи предпочтения полностью совпадают с предпочтениями Участника 6, что позволит им при определенных условиях, о чем речь пойдет ниже, добиться того, чтобы именно наиболее предпочтительная с их точки зрения Альтернатива В была объявлена наиболее предпочтительной альтернативой в результате процесса принятия решений.

Таблица 1 / Table 1

**Представление индивидуальных и групповых предпочтений
при трех альтернативах с помощью инструментария теории игр
Representing Individual and Group Preferences
under Three Alternatives Using Game Theory Tools**

	Альтернатива А	Альтернатива В	Альтернатива С
Участник 1	3	2	1
Участник 2	3	1	2
Участник 3	2	3	1
Участник 4	2	1	3
Участник 5	1	2	3
Участник 6	1	3	2
Участник 7	1	3	2
Эквилибриум	13	15	14

Представленные в Таблице 1 предпочтения первых шести участников составляют исчерпывающий список возможных вариантов, при условии, что предпочтения каждого участника транзитивны. Предпочтения участника транзитивны, когда из того, что он предпочитает Альтернативу А Альтернативе В, а Альтернативу В – Альтернативе С, следует, что он предпочитает Альтернативу А Альтернативе С (в Таблице 1 такие предпочтения характерны для участника 1).

Однако Н. Кондорсе предположил, что предпочтения участников процесса принятия решений при выборе из трех или более альтернатив не обязательно транзитивны [23, с. 6]. Так, участник одновременно может предпочитать Альтернативу А Альтернативе В, Альтернативу В – Альтернативе С, но при этом Альтернативу С – Альтернативе А.

В случае выбора из трех альтернатив могут существовать два варианта нетранзитивных предпочтений: упомянутый выше т обратный ему, когда участник предпочитает Альтернативу С Альтернативе В, которую он предпочитает

Альтернативе А, одновременно предпочитая Альтернативу А Альтернативе С. Эти два варианта предпочтений не могут быть представлены моделью в таблице. Более того, их нельзя назвать рациональными с точки зрения теории рационального выбора. Соответственно, методологически некорректно пытаться включать такие варианты предпочтений в игровые модели, учитывая, что теория игр основывается на базовых допущениях теории рационального выбора. Из-за этого с ее помощью возможно анализировать выбор лишь тех участников процесса принятия решений, чьи предпочтения можно охарактеризовать как рациональные.

Результаты исследования

Являясь одним из наиболее последовательных адептов свойственного эпохе Просвещения рационализма [24, с. 145], в XX веке теория рационального выбора одно время занимала центральное место не только в политологии и международных отношениях, но и во всех общественных науках. Н. Кондорсе полагал, что факт существования нетранзитивных предпочтений является абсурдным. Соответственно, он выступал за создание таких политических институтов, которые исключили бы возможность для индивидов с нетранзитивными предпочтениями влиять на процесс принятия решений. В большинстве случаев, когда предпочтения всех участников процесса принятия решений являются транзитивными, их коллективные предпочтения также оказываются транзитивными. Н. Кондорсе считал, что справедливыми можно считать лишь те правила принятия решений, при которых наиболее предпочтительной альтернативой объявляется та, которая побеждает все прочие альтернативы при попарном сравнении.

Сравнивая альтернативы, представленные в Таблице 1, нетрудно заметить, что Альтернатива В является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой А: выбирая из этих двух альтернатив, четверо участников (3, 5, 6 и 7) предпочтут Альтернативу А, и лишь трое (1, 2 и 4) – Альтернативу В. Аналогично, Альтернатива В является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой С, которая, в свою очередь, является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой А.

Таким образом, в случае распределения предпочтений между семью участниками так, как это представлено в Таблице 1, не только предпочтения каждого из участников являются транзитивными, но и коллективные предпочтения данной группы из семи участников процесса принятия решений также являются транзитивными. В случае, представленном в Таблице 1, победителем Кондорсе является Альтернатива В, поскольку именно она побеждает все прочие альтернативы при попарном сравнении.

Определить победителя Кондорсе с помощью модели, представленной в Таблице 1, можно путем суммирования значений в каждом из трех столбцов: альтернатива, сумма значений в столбце которой окажется максимальной, является победителем Кондорсе. В Таблице 1 суммы значений для каждой из альтернатив представлены в последней строке, озаглавленной, в соответствии с традицией, принятой для игровых моделей, «Эквилибриум».

Вместе с тем, именно Н. Кондорсе первым продемонстрировал, что даже если предпочтения каждого участника процесса принятия решений в условиях выбора из трех или большего числа альтернатив являются транзитивными, коллективные

предпочтения таких участников могут оказаться нетранзитивными при условии, что этих участников не менее трех. В последние годы большая часть научной литературы, где упоминается имя Н. Кондорсе, стремится ответить на вопрос, как же следует принимать решение в ситуациях, когда «победитель Кондорсе» не может быть определен [25, с. 52]. Пример такой ситуации для группы из девяти участников процесса принятия решений в условиях наличия трех альтернатив представлен в Таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Определение наиболее предпочтительной альтернативы большинством голосов в отсутствие «победителя Кондорсе»
Determining the Most Preferred Alternative by Majority Vote in the Absence of a “Condorcet Winner”

	Альтернатива А	Альтернатива В	Альтернатива С
Участник 1	3	1	2
Участник 2	3	1	2
Участник 3	3	1	2
Участник 4	1	3	2
Участник 5	1	3	2
Участник 6	2	3	1
Участник 7	1	2	3
Участник 8	1	2	3
Участник 9	3	2	1
Эквилибриум	18	18	18
Голосов при голосовании в 1 тур	4	3	2
Голосов при голосовании во 2 тур	4	5	

Попарное сравнение альтернатив, представленных в Таблице 2, демонстрирует, что Альтернатива В является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой А, Альтернатива С является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой В, но при этом Альтернатива А является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой С. Соответственно, хотя предпочтения каждого из участников процесса принятия решений в этой модели транзитивны, их коллективные предпочтения не являются транзитивными. Возможность возникновения такой ситуации получила в литературе наименование «парадокс Кондорсе». Как пишет Я.Э. Лейн, «набор демократических институтов шире минимального не всегда выявляет так называемого победителя Кондорсе» [26, с. 35]. В тех случаях, когда ни одна из обсуждаемых альтернатив не является «победителем Кондорсе», коллективные предпочтения начинают зависеть от принятых в данном коллективе правил принятия решений.

В Таблице 2 представлены две распространенные разновидности правил принятия решений: голосование в 1 тур и голосование в 2 тура. При голосовании, в ходе которого участникам процесса принятия решений будет предложено проголосовать за одну из трех представленных в Таблице 2 альтернатив, за Альтернативу А проголосуют четверо участников (1, 2, 3 и 9), за Альтернативу В – трое (4, 5 и 6), а за Альтернативу С – двое (7 и 8). Если в данном коллективе правила

принятия решений предусматривают голосование в один тур, то наиболее предпочтительной будет объявлена Альтернатива А. Однако если в данном коллективе правила принятия решений предусматривают голосование в два тура, то во втором туре участникам нужно будет выбирать из Альтернатив А и В – двух альтернатив, набравших большинство голосов в первом туре. И тогда за Альтернативу А проголосуют все те же четверо участников, в то время как двое участников, проголосовавших в первом туре за Альтернативу С, предпочтут Альтернативу В, увеличив число поданных за нее голосов до пяти.

В результате именно Альтернатива В будет объявлена наиболее предпочтительной для данного коллектива. Такая зависимость итогового решения от правил принятия решений, предусмотренных в данном коллективе, негативно влияет на легитимность всего процесса принятия решений, причем не только в тех случаях, когда ни одна из обсуждаемых альтернатив не является «победителем Кондорсе». Ведь даже в тех случаях, когда коллективные предпочтения данной группы являются транзитивными, а одна из обсуждаемых альтернатив является «победителем Кондорсе», в результате голосования в один или в два тура наиболее предпочтительной может быть объявлена иная альтернатива, чем та, которая является «победителем Кондорсе». Более того, в этом случае результаты голосования в один и в два тура также могут различаться между собой, причем ни один из них не будет совпадать с «победителем Кондорсе». Пример такой ситуации можно представить, изменив предпочтения всего одного участника (6) в модели, представленной в Таблице 2. Измененная модель представлена в Таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Определение наиболее предпочтительной альтернативы большинством голосов при наличии «победителя Кондорсе»

Determining the Most Preferred Alternative by Majority Vote in the Presence of a “Condorcet winner”

	Альтернатива А	Альтернатива В	Альтернатива С
Участник 1	3	1	2
Участник 2	3	1	2
Участник 3	3	1	2
Участник 4	1	3	2
Участник 5	1	3	2
Участник 6	1	3	2
Участник 7	1	2	3
Участник 8	1	2	3
Участник 9	3	2	1
Эквилибриум	17	18	19
Голосов при голосовании в 1 тур	4	3	2
Голосов при голосовании во 2 тур	4	5	

Попарное сравнение альтернатив, представленных в Таблице 3, демонстрирует, что Альтернатива С является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой В, которая, в свою очередь, является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой А. Таким образом, Альтернатива С является «победителем Кондорсе».

Однако результаты голосования в один и два тура не изменяются в результате изменения предпочтений Участника б: при голосовании в один тур наиболее предпочтительной объявляется Альтернатива А, а при голосовании в два тура – Альтернатива В. Любопытно, что ситуация, когда одна из трех обсуждаемых альтернатив является «победителем Кондорсе», вторая является наиболее предпочтительной по результатам голосования в один тур, а третья – наиболее предпочтительной по результатам голосования в два тура, может возникать при числе участников процесса принятия решений, равном или большем девяти.

При восьми и меньшем числе участников процесса принятия решений путем выбора из трех альтернатив невозможно однозначно определить наиболее предпочтительную альтернативу всеми тремя способами. Либо оказывается невозможно определить «победителя Кондорсе», либо невозможно определить наиболее предпочтительную альтернативу путем голосования в два тура, поскольку во втором туре обе альтернативы набирают равное число голосов, либо невозможно определить наиболее предпочтительную альтернативу путем голосования уже в первом туре, поскольку в поддержку каждой из трех обсуждаемых альтернатив выступает равное число участников. Иногда невозможно определить наиболее предпочтительную альтернативу двумя из перечисленных или даже всеми тремя перечисленными способами. Неслучайно в Таблице 2 и Таблице 3 представлены модели, в каждой из которых девять участников делают выбор из трех альтернатив.

В большинстве работ, анализирующих процессы принятия решений большинством голосов, когда каждый из участников является индивидом, участников, как правило, больше девяти. В эссе самого Н. Кондорсе возможность возникновения парадокса рассматривалась на примере с шестьюдесятью участниками. Вместе с тем, данная работа не является первой, в которой ставится вопрос о минимальном числе участников процесса принятия решений путем выбора из трех или более альтернатив, при котором действует парадокс Кондорсе или его следствия. Так, В.И. Вольский, опираясь, в том числе, на выводы Н. Кондорсе, разработал теоретические основания изучения процедур голосования в малых группах и применил их к исследованию политических систем, в которых голосование играет важную роль в процессе принятия решений, но при этом число участников голосования существенно ограничено, как это было, например, в античных полисах или в новгородском Вече [27].

Наиболее известным следствием парадокса Кондорсе является «теорема (общей) возможности» К. Эрроу [28], также известная как «теорема (общей) невозможности». Основываясь на парадоксе Кондорсе, К. Эрроу соглашается, что результат процесса принятия решений в группе зависит от правил принятия решений, принятых в данной группе. Благодаря «теореме возможности» К. Эрроу доказывает, что идеальные правила принятия решений в группе сформулировать невозможно.

Идеальные правила принятия решений в группе, по мнению К. Эрроу, соответствуют четырем критериям. Во-первых, это критерий универсальности, согласно которому допускаются любые варианты предпочтений участников процесса принятия решений, являющиеся рациональными. Во-вторых, это критерий отсутствия диктатора, согласно которому среди участников процесса принятия решений нет ни одного заранее заданного участника, изменения в предпочтениях которого меняли бы итоговое решение вне зависимости от того, как изменяются и изменяются ли вообще

предпочтения других участников. В-третьих, это критерий независимости от не относящихся к делу альтернатив, согласно которому введение в модель дополнительной альтернативы не меняет коллективных предпочтений в отношении остальных альтернатив, если предпочтения всех участников процесса принятия решений в отношении всех остальных альтернатив не меняются. В-четвертых, это критерий эффективности по Парето, согласно которому ни одна альтернатива не может стать более предпочтительной без того, чтобы какая-то другая альтернатива стала менее предпочтительной. К. Эрроу доказывает, что ни один набор правил принятия решений в группе в ситуации выбора из трех или большего числа альтернатив не может соответствовать всем четырем критериям одновременно.

Таким образом, в условиях выбора из трех и более альтернатив не только то, какая из этих альтернатив будет объявлена наиболее предпочтительной, зависит от процедуры голосования, но и ни одна из возможных процедур не является идеальной.

Этот вывод позволил теоретикам конституционализма, таким как Я.Э. Лейн [26], уточнить понятие демократического процесса принятия решений: по их мнению, демократическим является процесс принятия решений не тогда, когда решение принимается большинством голосов (поскольку это подчас не представляется возможным установить), но тогда, когда оно принимается с соблюдением установленных (никогда не идеальных) правил, причем эти правила предполагают вовлечение в процесс принятия решений максимально широкого круга участников.

На примерах Польши, Чехии [29] и Словакии [30] И.Н. Тарасов убедительно демонстрирует, как именно такое понимание конституционализма было положено в основу политической трансформации бывших стран социалистического лагеря в конце 1980-х – начале 1990-х годов. При этом «теорема возможностей» выполняется вне зависимости от того, насколько широким является круг участников процесса принятия решений, даже при числе участников, равном двум.

Другим важным следствием парадокса Кондорсе является то, что основанные на нем математические модели опровергают принцип участия, согласно которому индивиды выигрывают от активного участия в процессе принятия коллективных решений [31]. Эти модели демонстрируют, что в ситуации выбора из четырех и более альтернатив скрывать свои предпочтения выгоднее, чем открыто агитировать в пользу какой-либо альтернативы, раскрывая тем самым свои предпочтения другим участникам процесса принятия решений. Однако в случаях, когда число участников невелико, это правило перестает действовать. Так, модель Э. Мулена, демонстрирующая противоречие между принципом, согласно которому «победитель Кондорсе» должен объявляться наиболее предпочтительной альтернативой, и принципом участия, действует в случаях, когда число участников процесса принятия решений больше либо равно двадцати пяти [32]. Спустя тридцать лет после опубликования работы Э. Мулена, Ф. Брандт, К. Гейст и Д. Петерс предложили модель, которая выполняется при числе участников, равном или большем двенадцати [33].

Минимальное число участников, при котором выполняются те или иные следствия парадокса Кондорсе, не является принципиальным с точки зрения ее применимости к анализу демократического процесса принятия решений, который предполагает вовлечение максимально большого числа участников, изначально большего, чем два (по К. Эрроу), двенадцать (по Ф. Брандту, К. Гейсту и Д. Петерсу),

двадцать пять (по Э. Мулену) и даже шестьдесят (по Н. Кондорсе). Однако минимальное число участников, при котором работают эти и другие аналогичные математические модели, становится принципиально важным с точки зрения применимости этих моделей к процессу принятия решений большинством голосов в наднациональных интеграционных объединениях, где число стран-участниц этих объединений и процесса принятия решений изначально невелико.

Соответственно, в том гипотетическом случае, если в Евразийском экономическом союзе будет сделана попытка принять то или иное решение большинством голосов путем выбора из трех и более альтернатив, то, какая из этих альтернатив будет объявлена победителем, не будет зависеть от правил, по которым будет приниматься решение. Модель, представленная в Таблице 3, демонстрирует, что результат процесса принятия решений большинством голосов начинает зависеть от правил принятия этих решений при числе участников, большем или равном девяти. Однако, также в гипотетическом случае, если такая попытка будет предпринята в Европейском союзе, то правила выбора наиболее предпочтительной альтернативы начнут играть важную роль в определении, какая же из альтернатив будет объявлена наиболее предпочтительной, что будет иметь негативные последствия для легитимности результата такого процесса принятия решений.

Вывод, сделанный С. Уолтом относительно участия стран в военно-политических альянсах, что присоединение к малочисленным союзам увеличивает влияние нового участника, в то время как присоединение к многочисленным союзам, напротив, уменьшает влияние нового участника [34], представляется верным и для наднациональных интеграционных объединений. В малочисленных союзах, подобных Евразийскому экономическому союзу, где удельное влияние каждого, даже самого маленького участника велико, вопрос о принятии решений большинством голосов вместо консенсуса будет поднят с меньшей вероятностью. В Евразийском экономическом союзе этот вопрос пока ни разу не поднимался, хотя вероятность его поднятия в будущем, в случае увеличения числа стран-участниц, можно предполагать. Напротив, в многочисленных союзах, подобных Европейскому союзу, где удельное влияние каждого, даже крупнейшего участника невелико, вопрос о принятии решений большинством голосов поднимается регулярно.

Обсуждение

Применительно к процессу принятия решений в наднациональных интеграционных объединениях, парадокс Кондорсе можно перефразировать следующим образом: чем больше число стран-участниц наднационального интеграционного объединения, тем чаще в нем поднимается вопрос о принятии решений большинством голосов, и тем больше само понятие большинства оказывается зависимым от процедуры принятия решений, причем ни одна из возможных таких процедур не является идеальной. Этот вывод является дополнительным аргументом в пользу выделения интеграционных объединений с малым числом стран-участниц (менее десяти) в самостоятельную категорию науки международных отношений – минилатеральные интеграционные объединения, – требующую разработки отдельного теоретико-методологического аппарата для всестороннего осмысления причин их возникновения и особенностей их

функционирования. Сегодня в российских исследованиях международной политики понятие минилатерализма практически не используется, хотя оно часто встречается в российских исследованиях мировой экономики [35].

Зачастую исследователями международной политики рассматриваются только два вида международных отношений: двусторонние и многосторонние. При этом в качестве многосторонних рассматриваются как отношения между тремя участниками, так и когда в эти отношения вступает более сотни участников. Например, А.Г. Арбатов предполагает, что «можно было бы заключить интегрированный договор СНВ/РСМД в трехстороннем формате» между США, Россией и Китаем [36, с. 50], но если «цена перехода к многостороннему формату покажется сегодня слишком высокой», это не должно рассматриваться в качестве причины «для отказа от продолжения двустороннего процесса» [36, с. 52]. Таким образом, понятия «трехсторонние» и «многосторонние» отношения могут использоваться в качестве синонимов. С другой стороны, Д.Н. Барышников использует понятие «многостороннее сотрудничество» для обозначения взаимодействия представителей многих десятков стран в рамках Альянса цивилизаций ООН [37].

Благодаря тому, что понятие «многосторонние» используется для обозначения и отношений между тремя-пятью, и отношений между многими десятками стран, для изучения всех этих многочисленных форматов отношений используются одни и те же теоретико-методологические модели. В то же время для изучения двусторонних отношений используются принципиально другие теоретико-методологические модели. Сравнение двусторонних и многосторонних форматов отношений питает скептические настроения в отношении многосторонних форматов одних исследователей и восторженные – других исследователей. Так, по мнению Л. Мартин, развитие многосторонних институтов в годы «холодной войны» было во многом обусловлено самим фактом существования биполярной системы международных отношений [38], и распад последней в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привел к появлению многочисленных свидетельств проблем в деятельности таких институтов к середине 2000-х гг. [39, с. 1].

В свою очередь, Р. Паре приходит к выводу, что «многосторонние соглашения позволяют достичь невозможного в рамках эквивалентной совокупности двусторонних соглашений» [40]. Любопытно, что и Л. Мартин, и Р. Паре для своих исследований, на материалах которых были написаны две процитированные здесь статьи, выбрали схожие теоретико-методологические подходы: оба исследования опираются на одну из наиболее популярных моделей, разработанных в рамках теории игр – «дилемму узника». «Дилемма узника» используется для анализа именно двусторонних отношений, хотя с ее помощью можно выявить как преимущества, так и недостатки двусторонних отношений по сравнению с многосторонними. Для анализа многосторонних отношений теория игр предлагает другие модели. Некоторые из них созданы для анализа отношений фиксированного числа участников, например модель «трузель», которая сравнивает взаимоотношения между тремя участниками с конфликтом, разрешаемым с помощью огнестрельного оружия, подобным дуэли, но в котором, в отличие от классической дуэли, участвует не два, а три человека.

Широко распространено мнение, что модель «трузель» дает самому сильному участнику самую низкую вероятность победить, хотя проведенный М. Вегенером и Э.

Мутлу анализ позволяет опровергнуть это мнение [41]. Другие модели, напротив, применимы исключительно к ситуациям с большим числом участников. Так, модель «Эль-Фарол», получившая название в честь одноименного кафе, предполагает, что если более половины потенциальных посетителей кафе независимо друг от друга примут решение посетить его данным вечером, то каждый из них из-за возникшей толчеи получит меньше удовольствия от проведенного вечера, чем если бы он остался дома. Но если в кафе придет меньше половины потенциальных посетителей, то каждый из них получит больше удовольствия от проведенного вечера, чем если бы он остался дома. Эта модель широко используется, например, в логистике для объяснения поведения участников дорожного движения [42], однако она практически не нашла применения в международной политике, поскольку в практике международных отношений редко встречаются случаи, когда то или иное государство отказалось бы от участия в многостороннем институте из-за того, что в нем стало слишком много участников.

Наконец, некоторые модели, описывающие многосторонние отношения, специально обращают внимание на влияние численности участников на результат взаимодействия, демонстрируя фундаментальные различия между отношениями нескольких участников (минилатеральными отношениями) и нескольких десятков участников. Например, модель «дилемма добровольца» помещает участников в ситуацию, когда наилучший для всех исход взаимодействия достигается в случае, если один из участников (доброволец) согласится на определенные издержки для самого себя ради достижения общего блага. И. Крюгер, П. Хек и Д. Вагнер, описывая эту модель, приводят пример с гранатой, случайно залетевшей в окоп во время войны: большинство находящихся в окопе солдат смогут выжить, если один из них (доброволец) пожертвует жизнью ради товарищей и накроет гранату собственным телом; если же доброволец не найдется, то все солдаты погибнут [43]. Основанные на этой модели исследования помогают объяснить, почему с увеличением числа участников вероятность того, что доброволец найдется, уменьшается.

В практике интеграционных объединений едва ли можно представить себе ситуацию, когда одно из государств-членов должно пожертвовать самим своим существованием ради сохранения интеграционного объединения и тех преимуществ, которые дает участие в нем остальным государствам-членам. Однако не менее сложно представить себе договоренность, достигнутую в рамках интеграционного объединения, от реализации которой все его страны-участницы выигрывали бы в одинаковой степени. Для кого-то из них выгода всегда больше, а для кого-то – всегда меньше, и эту разницу в выгоде не могут полностью компенсировать даже те механизмы, которые, как правило, закладываются в подобные договоренности в целях такой компенсации. Радикальные приверженцы реалистической теории международных отношений, такие как К. Уолтц, скептически относятся к возможности равноправного международного сотрудничества как такового, объясняя это тем, что каждый потенциальный участник такого сотрудничества будет опасаться, что распределение выгод, полученных в результате сотрудничества, даст больше выгод его партнерам, чем ему самому [44, с. 106].

Однако интеграционные объединения не только создаются, но и углубляют интеграцию в своих рамках. Хотя у каждой из их стран-участниц существуют такие

опасения, кто-то из них в каждом конкретном случае берет на себя роль добровольца, который соглашается с получением меньшей выгоды от данного решения, помня о получении большей по сравнению с другими выгоды, полученной в результате реализации прошлых решений, и рассчитывая на получение большей выгоды также и в результате реализации будущих решений. «Дилемма добровольца» объясняет, почему в минилатеральных интеграционных объединениях государства-члены с большей готовностью принимают на себя роль добровольца, чем в тех, в которых участвуют десятки членов. Соответственно, в многочисленных интеграционных объединениях возрастает стремление отказываться от принятия решений консенсусом, что позволяет определить страну-участницу, которая получит наименьшую выгоду от принимаемого решения, большинством голосов, игнорируя мнение самой этой страны. Этот вывод является дополнительным аргументом в пользу разработки специальной методологии для изучения мини-латеральных интеграционных объединений.

Заключение

Предпринятый анализ научных трудов по проблематике взаимосвязи между числом стран-участниц наднациональных интеграционных объединений и эффективностью процесса принятия решений показывает, что среди их авторов нет единства по вопросу о том, как расширение интеграционных объединений влияет на процесс принятия решений в них. Вместе с тем, мнение, что чем больше новых стран-участниц присоединяется к интеграционному объединению, тем менее эффективным становится процесс принятия решений в нем, распространено среди экспертов достаточно широко. Опыт Европейского союза показывает, что расширению этого интеграционного объединения сопутствует и увеличение круга вопросов, по которым решения в нем принимаются не консенсусом, но (квалифицированным) большинством голосов, поскольку это позволяет компенсировать снижение эффективности процесса принятия решений в результате расширения.

В свою очередь, опыт Евразийского экономического союза демонстрирует, что в интеграционных объединениях с малым числом стран-участниц наблюдается обратная тенденция – к увеличению числа «чувствительных» вопросов, по которым решения должны приниматься не (квалифицированным) большинством голосов, но консенсусом. Представленная модель демонстрирует, что увеличение числа участников процесса принятия решений в условиях, когда эти решения принимаются большинством (в том числе квалифицированным большинством) голосов, приводит к тому, что итоговое решение начинает во все большей степени зависеть от тех правил, в соответствии с которыми определяется мнение большинства. В частности, при выборе из трех альтернатив и при числе участников процесса принятия решений, равном или большем девяти, исход голосования при определенных условиях может быть разным в зависимости от того, определяется ли наиболее предпочтительная альтернатива по принципу «победителя Кондорсе», либо в результате голосования в один или два тура.

Это позволяет определить два взаимосвязанных отличия наднациональных интеграционных объединений с небольшим числом стран-участниц (меньше десяти) от интеграционных объединений с большим числом стран-участниц (больше десяти). Во-первых, стремление к изменению процесса принятия решений в пользу

расширения круга вопросов, по которым решение может приниматься большинством голосов, а не консенсусом, невелико. По тем вопросам, по которым решения принимаются (квалифицированным) большинством голосов, результат мало зависит от процедуры. Напротив, во-вторых, стремление к расширению круга вопросов, по которым решение может приниматься (квалифицированным) большинством голосов, неуклонно возрастает по мере увеличения числа стран-участниц. При этом зависимость результата голосования от принятой процедуры также увеличивается.

Возникает парадокс: чем больше число стран-участниц наднационального интеграционного объединения, тем чаще в нем поднимается вопрос о принятии решений большинством голосов и тем больше само понятие большинства оказывается зависимым от процедуры принятия решений. В практическом плане этот парадокс становится одним из источников кризиса легитимности в интеграционных объединениях с большим числом стран-участниц. В теоретическом же плане этот парадокс заставляет выделять интеграционные объединения с малым числом стран-участниц в отдельную категорию – мини-латеральных интеграционных объединений, которые требуют разработки собственной теоретико-методологической базы для изучения процессов принятия решений в них, отличной от той, которая используется для изучения этих процессов в интеграционных объединениях с большим числом стран-участниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елисеев А. ЕАЭС и ЕС: сходства и различия // Евразийское обозрение. 2014. № 2. С. 2–5.
2. Ишуков А.А., Бедрина Е.Б. Европейская и евразийская интеграции: сходства и различия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4. С. 80–95. EDN: [INIRRI](#).
3. Kobayashi, K. The Normative Limits of Functional Cooperation: The Case of the European Union and the Eurasian Economic Union // East European Politics. 2019. Vol. 35. Iss. 2. P. 143–158. <https://doi.org/10.1080/21599165.2019.1612370>.
4. Ланко Д.А. Мимикрия как препятствие для развития отношений между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом // Управленческое консультирование. 2015. № 11 (83). С. 157–169. EDN: [VDGLUD](#).
5. Ачкасов В.А. Станет ли Евразийский экономический союз «улучшенной версией Европейского союза»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 4. С. 4–14. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2016.401>. EDN: [YFYIVR](#).
6. Новикова И.Н., Бурков В.Г., Мещеряков К.Е. Политика России на постсоветском пространстве после возвращения Крыма: вызовы и приоритеты // Управленческое консультирование. 2015. № 11 (83). С. 71–79. EDN: [VDGLPX](#).
7. Golub, J. Survival Analysis and European Union Decision-Making // European Union Politics. 2007. Vol. 8. Iss. 2. P. 155–179. <https://doi.org/10.1177/1465116507076428>.
8. Toshkov, D.D. The Impact of the Eastern Enlargement on the Decision-Making Capacity of the European Union // Journal of European Public Policy. 2017. Vol. 24. Iss. 2. P. 177–196. <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1264081>.
9. Hertz, R., Leuffen, D. Too Big to Run? Analysing the Impact of Enlargement on the Speed of EU Decision-Making // European Union Politics. 2011. Vol. 12. Iss. 2. P. 193–215. <https://doi.org/10.1177/1465116511399162>.
10. König, T. Divergence or Convergence? From Ever-Growing to Ever-Slowing European Legislative Decision Making // European Journal of Political Research. 2007. Vol. 46. Iss. 3. P. 417–444. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00648.x-i1>.

11. Дегтерева Е.А. Евросоюз: роль стран в принятии решений Совета ЕС // Современная Европа. 2009. № 2 (38). С. 113–121. EDN: [MVJWBT](#).
12. Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Развилки Европейского Союза в отражении дискуссий на конференции о будущем Европы // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 2 (69). С. 51–78. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.2.69.6>. EDN: [DXURLW](#).
13. Dinan, D. The Arc of Institutional Reform in Post-Maastricht Treaty Change // Journal of European Integration. 2012. Vol. 34. Iss. 7. P. 843–858. <https://doi.org/10.1080/07036337.2012.726018>.
14. Penrose, L.S. The Elementary Statistics of Majority Voting // Journal of the Royal Statistical Society. 1946. Vol. 109. No. 1. P. 53–57. <https://doi.org/10.2307/2981392>.
15. Słomczyński, W., Życzkowski, K. Jagiellonian Compromise – An Alternative Voting System for the Council of the European Union // Institutional Design and Voting Power in the European Union. Cichocski, M.A., Życzkowski, K. (eds.). Farnham: Ashgate, 2010. P. 43–57.
16. Ланко Д.А. Маркиз де Кондорсе на международных переговорах: влияние увеличения числа участников на формат международных переговоров // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития. Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. М.: Аспект-пресс, 2024. С. 341. EDN: [KEEERB](#).
17. Wagenaar, C.C.L., Hendriks, F. Setting the Voting Agenda for Multi-Option Referendums: Process Variations and Civic Empowerment // Democratization. 2021. Vol. 28. Iss. 2. P. 372–393. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1823969>.
18. Ellinas, A.A., Suleiman, E.N. Supranationalism in a Transnational Bureaucracy: The Case of the European Commission // Journal of Common Market Studies. 2011. Vol. 49. Iss. 5. P. 923–947. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2010.02164.x>.
19. Bochsler, D. The Marquis de Condorcet Goes to Bern // Public Choice. 2010. Vol. 144. Iss. 1–2. P. 119–131. <https://doi.org/10.1007/s11127-009-9507-y>.
20. List, C., Goodin, R.E. Epistemic Democracy: Generalizing the Condorcet Jury Theorem // Journal of Political Philosophy. 2001. Vol. 9. Iss. 3. P. 277–306. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00128>.
21. Estlund, D. Democracy Counts? Should Rulers Be Numerous? // Collective Wisdom: Principles and Mechanisms. Landemore, H., Elster, J. (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 230–250. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511846427.011>.
22. Walker, S.G. Micropolitics and Foreign Policy Decisions: The Behavioral Model of IR // Rethinking Foreign Policy Analysis: States, Leaders, and the Microfoundations of Behavioral International Relations. Walker, S.G., Malici, A., Schafer, M. (eds.) London: Routledge, 2011. P. 44–61.
23. Gehrlein, W.V. The Condorcet's Paradox. Berlin: Springer, 2006. XI, 292 p. <https://doi.org/10.1007/3-540-33799-7>.
24. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
25. Munger, M.C., Munger, K.M. Choosing in Groups: Analytical Politics Revisited. New York: Cambridge University Press, 2015. XII, 255 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107707153>.
26. Лэйн Я.Э. Демократия и конституционализм // Полис: Политические исследования. 1998. № 6. С. 32–49. EDN: [ESCQEN](#).
27. Вольский В.И. Ж.-Ш. Борда и маркиз де Кондорсе – родоначальники теории голосования // Полития: анализ, хроника, прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2013. № 3 (70). С. 147–159. EDN: [SYNZTP](#).
28. Arrow, K.J. Social Choice and Individual Values. New Heaven: Yale University Press, 2012. 192 p.
29. Тарасов И.Н. «Демократический транзит» в восточноевропейских конституциях // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2004. № 7. С. 29–38. EDN: [KLSYRT](#).
30. Тарасов И.Н., Казадаев В.А. Транзитологическое измерение конституционных перемен в Словацкой Республике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 72–76. EDN: [SIQVPL](#).
31. Nurmi, H. Voting Theory: Cui Vono? // Полития: анализ, хроника, прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2018. № 4 (91). С. 106–121. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-106-121>. EDN: [ZABRUT](#).
32. Moulin, H. Condorcet's Principle Implies the No Show Paradox // Journal of Economic Theory. 1988. Vol. 45. Iss. 1. P. 53–64. [https://doi.org/10.1016/0022-0531\(88\)90253-0](https://doi.org/10.1016/0022-0531(88)90253-0).
33. Brandt, F., Geist, Ch., Peters, D. Optimal Bounds for the No-Show Paradox via SAT Solving //

- Mathematical Social Science. 2017. Vol. 90. P. 18–27. <https://doi.org/10.1016/j.mathsocsci.2016.09.003>.
34. Walt, S.M. Alliance Formation and the Balance of Power // *International Security*. 1985. Vol. 9. No. 4. P. 3–43. <https://doi.org/10.2307/2538540>.
35. Жариков М.В. Финансовый минилатерализм как инструмент антикризисной политики стран БРИКС // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 6. С. 60–62. <https://doi.org/10.24158/pep.2017.6.14>. EDN: YUMALH.
36. Арбагов А.Г. Китай и ограничение вооружений: не утопия, а возможность // *Полис: Политические исследования*. 2020. № 4. С. 36–54. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.04>. EDN: EOOC DG.
37. Барышников Д.Н. Публичная дипломатия и многостороннее сотрудничество в Альянсе цивилизаций ООН // *Политическая экспертиза: Политэкс*. 2013. Т. 9. № 2. С. 14–23. EDN: RTDAZF.
38. Martin, L.L. Interests, Power, and Multilateralism // *International Organization*. 1992. Vol. 46. Iss. 4. P. 765–792. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033245>.
39. Newman, E., Thakur, R., Tirman, J. Introduction // *Multilateralism under Challenge? Power, International Order, and Structural Change*. Newman, E., Thakur, R., Tirman, J. Tokyo, New York and Paris: United Nations University Press, 2006. P. 1–17.
40. Pahre, R. Multilateral Cooperation in an Iterated Prisoner's Dilemma // *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. Iss. 2. P. 326–352. <http://doi.org/10.1177/0022002794038002007>.
41. Wegener, M., Mutlu, E. The Good, the Bad, the Well-Connected // *International Journal of Game Theory*. 2021. Vol. 50. Iss. 3. P. 759–771. <https://doi.org/10.1007/s00182-021-00765-1>.
42. Tullock, G. The General Irrelevance of the General Impossibility Theorem // *Quarterly Journal of Economics*. 1967. Vol. 81. No. 2. P. 256–270. <https://doi.org/10.2307/1879585>.
43. Krueger, J.I., Heck, P.R., Wagner, D. Egocentrism in the Volunteer's Dilemma // *The American Journal of Psychology*. 2018. Vol. 131. Iss. 4. P. 403–415. <https://doi.org/10.5406/amerjpsyc.131.4.0403>.
44. Waltz, K.N. *Theory of International Politics*. New York: Random House, 1979. 251 p.

REFERENCES

1. Yeliseyeu, A. Eurasian Economic Union and European Union: Similarities and Differences. *Eurasian Observer (Belarus)*. 2014. No. 2. P. 2–5. (In Russian).
2. Ishukov, A.A., Bedrina, E.B. European and Eurasian Integrations: Similarities and Differences. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Science*. 2020. Iss. 4. P. 80–95. (In Russian). EDN: INIRRI.
3. Kobayashi, K. The Normative Limits of Functional Cooperation: The Case of the European Union and the Eurasian Economic Union. *East European Politics*. 2019. Vol. 35. Iss. 2. P. 143–158. <https://doi.org/10.1080/21599165.2019.1612370>.
4. Lanko, D.A. “Mimicry” as an Obstacle for Development of the Relations between the Eurasian Economic Union and the European Union. *Administrative Consulting*. 2015. No. 11 (83). P. 157–169. (In Russian). EDN: VDGLUD.
5. Achkasov, V.A. Will the Eurasian Economic Union Become “an Improved Version of the European Union”? *Vestnik SPbSU. Series 6. Political science. International relations*. 2016. Iss. 4. P. 4–14. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2016.401>. EDN: YFYIVR.
6. Novikova, I.N., Burkov, V.G., Meshcheryakov, K.E. Policy of Russia in the Former Soviet Union after Return of the Crimea: Challenges and Priorities. *Administrative Consulting*. 2015. No. 11 (83). P. 71–79. (In Russian). EDN: VDGLPX.
7. Golub, J. Survival Analysis and European Union Decision-Making. *European Union Politics*. 2007. Vol. 8. Iss. 2. P. 155–179. <https://doi.org/10.1177/1465116507076428>.
8. Toshkov, D.D. The Impact of the Eastern Enlargement on the Decision-Making Capacity of the European Union. *Journal of European Public Policy*. 2017. Vol. 24. Iss. 2. P. 177–196. <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1264081>.
9. Hertz, R., Leuffen, D. Too Big to Run? Analysing the Impact of Enlargement on the Speed of EU Decision-Making. *European Union Politics*. 2011. Vol. 12. Iss. 2. P. 193–215. <https://doi.org/10.1177/1465116511399162>.
10. König, T. Divergence or Convergence? From Ever-Growing to Ever-Slowing European Legislative Decision Making. *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46. Iss. 3. P. 417–444. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00648.x-11>.

11. Degtereva, E.A. The European Union: The Role of Member States in Decision Making in the EU Council. *Contemporary Europe*. 2009. No. 2 (38). P. 113–121. (In Russian). EDN: [MVJWBT](#).
12. Entina, E.G., Entin, M.L. EU Development in the Context of the Conference on the Future of Europe. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. 2022. Vol. 20. No. 2 (69). P. 51–78. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.2.69.6>. EDN: [DXURLW](#).
13. Dinan, D. The Arc of Institutional Reform in Post-Maastricht Treaty Change. *Journal of European Integration*. 2012. Vol. 34. Iss. 7. P. 843–858. <https://doi.org/10.1080/07036337.2012.726018>.
14. Penrose, L.S. The Elementary Statistics of Majority Voting. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1946. Vol. 109. No. 1. P. 53–57. <https://doi.org/10.2307/2981392>.
15. Słomczyński, W., Życzkowski, K. Jagiellonian Compromise – An Alternative Voting System for the Council of the European Union. *Institutional Design and Voting Power in the European Union*. Cichocski, M.A., Życzkowski, K. (eds.). Farnham: Ashgate, 2010. P. 43–57.
16. Lanko, D.A. Marquis de Condorcet at International Negotiations: The Implications of Increasing the Number of Participants on the Format of International Negotiations. *Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Development Paradigms*. Proceedings of the 10th Russian Congress of Political Scientists of the Russian Political Science Association with international participation. Moscow: Aspect-Press, 2024. P. 341. (In Russian). EDN: [KEEERB](#).
17. Wagenaar, C.C.L., Hendriks, F. Setting the Voting Agenda for Multi-Option Referendums: Process Variations and Civic Empowerment. *Democratization*. 2021. Vol. 28. Iss. 2. P. 372–393. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1823969>.
18. Ellinas, A.A., Suleiman, E.N. Supranationalism in a Transnational Bureaucracy: The Case of the European Commission. *Journal of Common Market Studies*. 2011. Vol. 49. Iss. 5. P. 923–947. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2010.02164.x>.
19. Bochsler, D. The Marquis de Condorcet Goes to Bern. *Public Choice*. 2010. Vol. 144. Iss. 1–2. P. 119–131. <https://doi.org/10.1007/s11127-009-9507-y>.
20. List, C., Goodin, R.E. Epistemic Democracy: Generalizing the Condorcet Jury Theorem. *Journal of Political Philosophy*. 2001. Vol. 9. Iss. 3. P. 277–306. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00128>.
21. Estlund, D. Democracy Counts? Should Rulers Be Numerous? *Collective Wisdom: Principles and Mechanisms*. Landemore, H., Elster, J. (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 230–250. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511846427.011>.
22. Walker, S.G. Micropolitics and Foreign Policy Decisions: The Behavioral Model of IR. *Rethinking Foreign Policy Analysis: States, Leaders, and the Microfoundations of Behavioral International Relations*. Walker, S.G., Malici, A., Schafer, M. (eds.) London: Routledge, 2011. P. 44–61.
23. Gehrlein, W.V. The Condorcet’s Paradox. Berlin: Springer, 2006. XI, 292 p. <https://doi.org/10.1007/3-540-33799-7>.
24. Foucault, M. Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. Translated from the French by R. Howard. London and New York: Routledge, 2001. XIX, 282 p.
25. Munger, M.C., Munger, K.M. Choosing in Groups: Analytical Politics Revisited. New York: Cambridge University Press, 2015. XII, 255 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107707153>.
26. Lane, J.E. Democracy and Constitutionalism. *Polis: Political Studies*. 1998. No. 6. P. 32–49. (In Russian). EDN: [ESCQEN](#).
27. Volsky, V.I. Jean-Charles de Borda and Marquis de Condorcet: The Founding Fathers of the Voting Theory. *Politeia: Analysis, Chronical, Prognosis, A Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2013. Iss. 3 (70). P. 147–159. (In Russian). EDN: [SYNZTP](#).
28. Arrow, K.J. Social Choice and Individual Values. New Heaven: Yale University Press, 2012. 192 p.
29. Tarasov, I.N. “Democratic Transition” in East European Constitutions. *Bulletin of the Volga Academy of Public Service*. 2004. No. 7. P. 29–38. (In Russian). EDN: [KLSYRT](#).
30. Tarasov, I.N. Kazadaev, V.A. Transitological Dimension of Constitutional Change in the Slovak Republic. *Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University*. 2014. No. 6. P. 72–76. (In Russian). EDN: [SIQVPL](#).
31. Nurmi, H. Voting Theory: Cui Bono? *Politeia: Analysis, Chronical, Prognosis, A Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2018. No. 4 (91). P. 106–121. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-106-121>. EDN: [ZABRUT](#).
32. Moulin, H. Condorcet’s Principle Implies the No Show Paradox. *Journal of Economic Theory*.

1988. Vol. 45. Iss. 1. P. 53–64. [https://doi.org/10.1016/0022-0531\(88\)90253-0](https://doi.org/10.1016/0022-0531(88)90253-0).
33. Brandt, F., Geist, Ch., Peters, D. Optimal Bounds for the No-Show Paradox via SAT Solving. *Mathematical Social Science*. 2017. Vol. 90. P. 18–27. <https://doi.org/10.1016/j.mathsocsci.2016.09.003>.
34. Walt, S.M. Alliance Formation and the Balance of Power. *International Security*. 1985. Vol. 9. No. 4. Pp. 3–43. <https://doi.org/10.2307/2538540>.
35. Zharikov, M.V. Financial Minilateralism as an Instrument of the BRICS' Anti-Crisis Policy. *Society: Politics, Economics, Law*. 2017. Iss. 6. P. 60–62. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2017.6.14>. EDN: YUMALH.
36. Arbatov, A.G. China and Arms Control: Not Utopia, but a Reality. *Polis. Political Studies*. 2020 No. 4. P. 36–54. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.04>. EDN: EOOC DG.
37. Baryshnikov, D.N. Public Diplomacy and Multilateral Cooperation in the United Nations Alliance of Civilizations. *Political Expertise: Politex*. 2013. Vol. 9. No. 2. P. 14–23. (In Russian). EDN: RTDAZF.
38. Martin, L.L. Interests, Power, and Multilateralism. *International Organization*. 1992. Vol. 46. Iss. 4. P. 765–792. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033245>.
39. Newman, E., Thakur, R., Tirman, J. Introduction. *Multilateralism under Challenge? Power, International Order, and Structural Change*. Newman, E., Thakur, R., Tirman, J. Tokyo, New York and Paris: United Nations University Press, 2006. P. 1–17.
40. Pahre, R. Multilateral Cooperation in an Iterated Prisoner's Dilemma. *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. Iss. 2. P. 326–352. <http://doi.org/10.1177/0022002794038002007>.
41. Wegener, M., Mutlu, E. The Good, the Bad, the Well-Connected. *International Journal of Game Theory*. 2021. Vol. 50. Iss. 3. P. 759–771. <https://doi.org/10.1007/s00182-021-00765-1>.
42. Tullock, G. The General Irrelevance of the General Impossibility Theorem. *Quarterly Journal of Economics*. 1967. Vol. 81. No. 2. P. 256–270. <https://doi.org/10.2307/1879585>.
43. Krueger, J.I., Heck, P.R., Wagner, D. Egocentrism in the Volunteer's Dilemma. *The American Journal of Psychology*. 2018. Vol. 131. Iss. 4. P. 403–415. <https://doi.org/10.5406/amerjpsyc.131.4.0403>.
44. Waltz, K.N. *Theory of International Politics*. New York: Random House, 1979. 251 p.

Сведения об авторах / Information about authors

Ланко Дмитрий Александрович – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-4089-7962

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Lanko Dmitry A. – Ph.D., Associate Professor, Department of European Studies, Faculty of International Relations; Saint Petersburg State University.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-4089-7962

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025.
Одобрена после рецензирования 29.12.2025.
Принята 26.01.2026.

Received 17.10.2025.
Approved after reviewing 29.12.2025.
Accepted 26.01.2026.